

4. Герасимов Ч., худ. Чистяковский И.
 5. Алексей и Ольга 25-27
 6. Новоселов Т.Н.З.
 7. Ржев - Белов Л.
 Худ. - Лютынский К.

„ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК“
 г. Новосибирск

28 ЯНВ 1970

СПЕКТАКЛЬ-ЭКСПЕРИМЕНТ

В театре юных зрителей идет спектакль «Алексей и Ольга». О чем он? Об обезьяньей Ленинграде, о ленинградцах, о пяти днях из девяносто — страшных, жестоких и героических.

Стоит ли сейчас, через четверть века, показывать эти дни на сцене? Ответ может быть только один: стоит. Но показывать надо так, чтобы румяные, круглощекие девочки и выхристые мальчишки, сидящие в зале, а в антрактах поглощающие мороженое и пирожки, поняли, что значит получить в день сто граммов хлеба, покормить на глину, какво спать в комнате с минусовой температурой и с болью натягивать сапоги на распухшие ноги.

ТЮЗ поставил инсценировку повести И. Герасимова «Пять дней отдыха» о том, как после тяжелых боев, несколько бойцов из ленинских большие потери воинской части, отбывает в блокадном Ленинграде. Хотя вряд ли можно назвать это отдышкой. Холодно, голодно, рядом кладбище, куда шоферы, сами опухшие от голода, привозят свой страшный груз. Неподалеку каждый вечер собираются женщины. Это родственники бойцов. Они приходят на свидание, в каждая увозит со свидания сухарь или кусочек сахара, сбереженный для нее отцом, мужем или братом.

Как передать все это театральными средствами? Бедь автор не думал о сцене, когда писал свою повесть от первого лица в форме воспоминаний. ТЮЗ пошел по линии сочетания открытой условности с реальной достоверностью. Вот, например, как строится одна из сцен: звучит орган, на тыму появляются призрачные тени женщин. Их позы, движения напоминают пантомиму в балете. И вдруг луч света выхватывает из толпы одну фигуру, и мы видим, что это

ТЕАТР

живая, настоящая женщина. Это героиня спектакля — Ольга.

Актриса Н. Демина, мне кажется, ближе всех подошла к мысли автора. Правда, она играет не совсем то, что написал И. Герасимов. В повести, прежде всего, она красавица, Афродита, как называют ее Казацки. В спектакле Ольга лишена внешней привлекательности, но обогащена духовно. Это невинная, восемнадцатилетняя девушка, которая исповедуется перед своим будущим мужем в том, что когда-то недовалась с одноклассником. Она вызывает уважение и симпатию. Широко раскрыты страдальческие глаза, худое лицо, слабый голос, тонкие ножки в больших валенках, и шаткая, неуверенная от слабости походка. В эту Ольгу веришь, ей сострадаешь и поражаешься ее тихому подвигу.

К сожалению, остальные действующие лица не создают такого же впечатления. Ну, пусть тень женщины — это фон, условность, но бойцы ведь не условные. Почему же такая важная сцена, как детек хлеба, напоминает просто детскую игру. Маленькая девочка, а она многое меняет — сцена из-за пропавшей тарелки хлеба не оправдана и не страшна. А ведь это, по сути дела, развязка спектакля. Вспомним ход событий. Алексей (засл. арт. РСФСР В. Гарин) опоздал на поверку. На поиски его отправляется Кошкин (засл. арт. РСФСР Д. Бутенко) и находит Казацкину у своей дочери. Для Кошкина Алексей дважды виноват: и как предполагаемый дезертир и как оскорбитель чести дочери. В бурную, тревожную ночь Кошкин ведет арестованного

Алексея в казарму. И когда они, шатаясь от голода, идут вместе, нередко перекидываясь словами, когда вместе причуются от обстрела, Кошкин начинает понимать, какой хороший, чистый, непосредственный человек этот «дезертир» и «соблазнитель» Алексей. И вот этого честного парня обвиняют в страшном преступлении — краже хлеба у голодного товарища. Кошкин, не раздумывая, встает на защиту Алексея. Он защищает его не словами. Он просто отлагает обвинительно свою драгоценную папку хлеба — папку, которую он делил с дочерью. В этом месте должно было быть сыграно все! и понимание, и прощение, и примирение, и жертвенность. Увы, этого не получилось.

Вероятно, это закономерное для данного спектакля, я бы сказала, своего рода спектакля-эксперимента, где режиссер Л. Белов пытается совместить два стиля, говорить со зрителем сразу на двух очень разных языках. Поэтому важная сцена, когда отец застаёт Алексея у дочери, лишена драматичности, не подготавливает она и финал, а два выноса интересных самих по себе (женщина и могильщик, в зале) не совсем вяжутся с общим ходом спектакля.

Не помогают постановке и музыка. Она слишком торжественна, а порой просто громка для спектакля, решенного в целом в мягких тонах. Голос «из издалека» топит в шумах. С трудом улавливаются диалоги в казарме, так как кобки бойцов отодвинуты в самую глубь сцены.

Спектакль трудно назвать удачей театра. Однако есть в нем большая и серьезная тема: ни голод, ни страдания не могут убить живую душу человека, если он настоящий человек. Хочется, чтобы зритель прежде всего понял это. Но тогда авторам постановки, видимо, нельзя останавливаться на достигнутом и продолжать работу над спектаклем.

В. КУПРЕЯНОВА,
 кандидат филологических наук